

Сергей Львович Щеглов вспоминает: В трюме «Иосифа Сталина»

Сергей Львович Щеглов родился в 1921 году в семье сельских учителей. В 1937 году его родители были репрессированы, отец расстрелян, а мать приговорена к 10-летнему лагерному сроку, умерла в лагере.

Сергей был арестован 22 июня 1941 года, в первый день войны. Приговорен к 5 годам исправительных работ в лагере, которые отбывал в Норильске.

Сергей Львович - член Союза писателей, автор 16 книг, главная тема творчества - политические репрессии в СССР.

Моя мать - Александра Ивановна Каратаева. Она из крестьянской семьи. Мать моя закончила в Муроме гимназию и работала до 18-го года сельской учительницей. Замуж она вышла вот за Льва Львовича где-то в 1919-м, может быть, 20-м году, точных данных у меня нет. Я родился в 21-м в Ляхах, а через четыре года семья распалась.

Ну, что касается моего отца, Льва Львовича Щеглова, то он примкнул к одному из революционных движений, в частности к эсерам. Об этом я узнал, только когда меня уже арестовали самого, я об этом узнал от следователя, что мой отец был эсером. Он устроился работать сельским учителем и дальше всю свою жизнь проработал учителем, заведующим школами в сельской местности на своей родине вокруг Ляхов. А в 37-м году его по навету арестовали и через несколько месяцев расстреляли как врага народа по страшному обвинению там в развале, значит, светской школы, значит, антисоветской агитации и так далее. Расстреляли его в Горьком 8-го сентября 1937-го года.

Мама после установления Советской власти стала очень верующим человеком, активно верующим. Вера, конечно, у неё была ещё заложена ещё из семьи крестьянской, вот, и тут вера, так сказать, вот приняла такие, я бы сказал, гипертрофированные формы и это сказалось на её поведении социальном. Она отказалась преподавать в советской школе, потому что там надо было учить детей безбожию, как она выражалась. Она этого не могла себе позволить и стала зарабатывать на жизнь портнихой. В подвалах небольших деревянных таких домиков муромских, где можно было подешевле снять жильё, и вот там и протекало уже моё детство.

А мама всё своё свободное от этой работы время проводила в церкви, общалась со священниками, с другими людьми такого же, такой же вот

активности. Она и меня водила с собой в церковь. Ну вот, и она мечтала о том, чтобы я пошёл по стопам верующего человека и даже священно/, может быть, стать священнослужителем, что было её мечтой. По её инициативе, значит, я прислуживал священникам, Муромским архиереям. Меня посвятили в стихарь, есть такое посвящение в церковном обрядах, в церковных обрядах, потом даже возложили орарь на этот стихарь, то есть я как бы уже сделал какие то первые шаги, ну, как юноша-священнослужитель.

Меня уже люди знали, в том числе сверстники, да. Я помню, когда я иду из собора там, за мной бегут мальчишки, кричат: «Сергей-поп! Сергей-поп! Сергей-поп! Сергей-дьякон и дьячок». Тогда это считалось позорным.

И так продолжалось до августа 37-го года. 9-го августа маму арестовали. Насколько я понял все обвинения, которые ей предъявили сводились именно к тому, что она была активная вот верующая, общалась с такими же людьми и ей всё это, потом, когда уже я десятилетия спустя стал знакомиться с личным делом, ей приписали участие в контрреволюционной фашистской подпольной организации церковников, которая ставила своей целью ни больше ни меньше как свержение Советской власти. Ну вот а меня, соответственно, Александра Ивановна готовила на случай войны с Гитлером, чтобы я, значит, участвовал, как они, следователи НКВД приписывали, значит, был переводчиком при наступлении немецкой армии. Вот такие страшные преступления ей инкриминировали. Её всё-таки не расстреляли. Она была участницей массовой тоже группировки, в которую входило около сорока человек, таких же вот женщин, священников, епископов, и так далее муромских. Вот. Это ещё там, значит, как филиал этой организации был так называемый «подпольный монастырь», которого на самом деле не было. Она получила десять лет, некоторые из её подельников были расстреляны. 13 человек было расстреляно. Она получила 10 лет вместе с другими и направлена была в Карагандинские лагеря, недалеко от Караганды был такой лагерь «Долинка», и там она на сельскохозяйственных работах отбывала свой срок. Через 10 лет/. Ну, когда её арестовали, ей было уже/, она была немолодая женщина, а умерла она в 47-м году, сорока девяти лет, не выйдя из лагеря. Хотя уже срок её кончился, но выйти из лагеря она не могла, она умерла в лагерьной больнице.

Поскольку она сама отказалась преподавать в советской школе, она и меня не пускала в школу, она говорила, что я преподавательница, я всё необходимое тебе дам, что даёт школа, а чего не могу дать по специальностям, то дадут мои подруги. И вот, я, значит, проводил уроки с ней в основном по литературе и русскому языку, вот, а потом её подруги меня обучали кто химии, кто физике, кто немецкому языку. Вот тоже у меня такое было расписание на каждый день, по которому я тоже проходил уроки как в школе, но в школе я не учился до ареста мамы. А когда её арестовали, мне уже почти подходило к 16-ти.

Наступил учебный год, полгода я ходил в 6-й класс, в школе рабочей молодёжи, вечерняя школа рабочей молодёжи. К 40-му году, с 37-го, я закончил десятилетку. За 9-й класс вообще экстерном сдал, потому что я очень торопился: мне хотелось получить высшее образование - переехать в Москву, поступить в Московский университет. Это было моей мечтой.

Годам к тринадцати, к четырнадцати я стал серьёзно сомневаться в тех догматах, которые насыщают всё православное богослужение, всю православную литературу, которую я в качестве участника богослужения вынужден, так сказать, вот, исповедовать и проповедовать, вот читая там те часы, деяния апостолов вслух. И у меня начало складываться такое впечатление, что вот то, что я читаю, особенно читая вслух для других, противоречит моим взглядам, то есть я как бы неискренне верующий человек. Я начал сомневаться вообще в чудесах.

Вот, когда я понял, что православие, как одна из религий, действительно является опиумом для народа, что всё, что проповедует церковь, это есть обман, что никаких чудес нет в мире, что всё, что происходит в мире, всё, что возникло в мире, возникло по законам природы, в том числе и человек с его разумом. Это всё лежало в основе марксизма-ленинизма, и с этим я был абсолютно согласен, и я с этим согласен до сих пор.

Таким образом, к тому времени как арестовали мать, и моя жизнь коренным образом переменялась - я оказался в советской школе, оказался на советской работе, среди людей, сотрудничающих активно с советской властью.

Вокруг меня стали собираться вот эти вот передовые, я бы сказал, люди, ребята, и я довольно быстро среди них организовал литературный кружок. Прежде всего - литературный. Ну, кто что мог писать, значит, там кто пишет рассказы, кто литературно-критические статьи. И мы решили издавать литературный журнал. Он назывался «Литкружковец». Мы выпустили, два номера успели выпустить вот за время этой моей учёбы. Мы его отпечатывали на машинке. В то время отпечатать на машинке, в конце тридцатых годов, машинки были на учёте, поэтому мы писали всё раньше от руки, а потом по распоряжению директора, нам разрешали перепечатать на машинке, на школьной. Потом, значит, и вот, и школьная газета тоже выпускалась отпечатанная на машинке, а, значит, я всё время составлял там, здесь с помощниками, редколлегией, и вот. В «Литкружковец» вошли вот эти наши произведения. Разумеется, всё это было в пределах советской цензуры, ни малейшего отступления от догм марксизма-ленинизма там не было и быть не могло, потому что за этим зорко следил директор школы, который отвечал за воспитание своих, так сказать учащихся. Потом мы организовали драматический кружок, и там мы там ставили какие-то пьесы, ставили спектакли и тоже, и показывали их вот в школе. Затем был кружок исторический, где мы расширяли предмет истории уже на основании чтения каких-то исторических книг. И тоже, значит, писали какие-то работы на основании прочитанного. Таким образом, три эти, три кружка и потом четвёртый кружок - экономический. Но когда я, заикнувшись директору об этом кружке, он как-то насторожился: «А что это за экономический? А чем вы там будете заниматься?» Я говорю: «Мы хотим изучать «Капитал» Маркса». «Ну-у-у. «Капитал» Маркса даже в вузах не изучают, а изучают основы политической экономики, экономии, да. Я не знаю, что вы там поймёте, в «Капитале». Я говорю: «Хотелось бы что-то понять. Как же понимали такие же подростки до революции, когда «Капитал» для них был учебником жизни и революционной борьбы с царём». «Ну мало ли что было там при царе! Нет, нет, нет». Меня это не остановило, и меня, и моих сторонников, и мы стали собираться на квартире одной девушки, которую я очень любил, вот. Стали собираться частным

образом, уже не ставя в известность руководство школы. Ну и мы действительно там начали конспектировать "Капитал".

Ну, одновременно почти с этим, в 39-м году, я подал заявление в комсомол, внутренне готовый, так сказать, ко всем вот восприятиям марксистско-ленинского учения. Я подал заявление в комсомол, ознакомился с уставом, с программой и когда меня принимали в школе, естественно, мне задавали вопрос о родителях. Я отвечал также, вот, как, значит, что вот мать арестовали, по-видимому, за то, что она в церковь ходила и меня водила, вот, а об отце ничего не знаю, потому что мы с ним не жили с четырёх лет. Меня приняли в комсомол, выдали комсомольский билет. Таким образом, к моменту окончания десятилетки, я был комсомольцем, очень этим гордился, радовался этому.

И так продолжалось до того, как я получил аттестат зрелости, отвёз его в Москву на Моховую улицу, где помещался тогда Московский университет. Это было август сорокового года. Мне предложили анкету заполнить, я её заполнил, сдал и в анкете я указал всю правду о моих родителях. На вопрос «родители», я ответил, и отец, и мать арестованы по 58-й статье.

Мне сказали: «Приходите через 2 дня». Я оставил свой аттестат зрелости, где были только пятёрки, и что мне давало право без экзаменов поступать. Смотрю - в списках принятых меня нет. Потом я стал студентом МОПИ. «Попал в МОПИ - сиди и не вопи», - как мы говорили. Ну, не очень престижный это был институт. Он готовил преподавателей для школ Московской области. Но на самом деле, их посылали туда, значит, и на Дальний Восток, в Сибирь и в Среднюю Азию - куда угодно, лишь бы далеко. Я поступил на ист. фак. Закончил первый курс 22 июня 41-го года. Последний экзамен был «Психология». И тут я узнаю: выступает Молотов с сообщением о том, что началась Великая Отечественная война. Мы - группа комсомольцев решили сходить в комитет комсомола, в районный, и подали заявление о том, чтобы нас отправили на фронт защищать Родину от фашистов. Вернулись в институт, стал вместе с другими студентами собирать вот эти все вещи, освобождать комнаты, и тут меня вызывают к директору. В кабинете директора сидят 3 человека, один военный. Мне предъявляют ордер на арест. Всё, что при мне - я сдаю, там паспорт, студенческий билет, комсомольский билет и прочее. Ну, вот, и меня ведут и сажают в машину легковую и везут сначала в общежитие, там производят обыск - там, где я жил в комнате. Жили мы в «Лосиноостровской. А оттуда - на Лубянку. И вечером же, а это было дело днём, а вечером же - первый допрос. Причём меня до допроса держат в одиночной камере. Запирают в камеру, где никого нет. Первый допрос и первый вопрос: «Вы, знаете, за что вас арестовали?» Я говорю: «Понятия не имею». «Ах, вот как, не имеете понятия? Вы занимались антисоветской деятельностью. Вы организовали в Муроме контрреволюционную молодёжную организацию. Так, а о родителях что вам известно?» Я говорю: «Вот, арестованы родители». «А вы знаете, что ваш отец был эсером?» Я говорю: «Понятия об этом не имею, вообще о нём». Вот это - первый допрос. Семь дней продолжались допросы на Лубянке. И допросы велись таким образом, что я понял, что я - страшный преступник, потому что, оказывается, вот эти четыре кружка - литературный, драматический ...

И.О. – Исторический и экономический.

С.Щ. - Исторический и экономический особенно, это всё была разветвлённая антисоветская подпольная группа, в которой со мной вместе участвовали, значит, десятки молодых людей. Таким образом, я - организатор вот той вот в городе Муроме Нижегородской губернии антисоветской террористической и прочее, прочее, прочее, фашистской и так далее организации. Ну, понятно, что ждёт на второй день войны, такого человека. Я приготовился к самому худшему - к расстрелу. А вместо того, через несколько дней меня перебрасывают в «чёрном воронке», вместе с некоторыми другими узниками с Лубянки на Таганку, в Таганскую тюрьму и уже не в одиночную камеру как, значит, на Таганке, а в камеру, где триста человек. Через неделю, нас из Таганки погрузили в эшелон, который отправлялся в Сибирь. Долго мы ехали. Это был июль-месяц, уже июль, начало июля, наконец пока нас не высадили в Омске и там нас заключили в тюрьму Екатерининскую, это тоже у меня описано всё вот в повести «Чёрный треугольник», где я пробыл до мая 42-го года. Там продолжалось следствие, начатое в Москве на Лубянке. Но следствие проявлялось уже в более таком ослабленном режиме, хотя те обвинения, которые мне были предъявлены, оставались, то есть: я - руководитель антисоветской молодёжной группы подпольной и так далее. Когда, наконец, мне предъявили обвинительное заключение, следовательно, я спросил у него, у очередного следователя: «Что же мне грозит?» Он мне ответил: «Ну, это решит суд, но я думаю, что, значит, не меньше десяти ты получишь за свои преступления». В мае 42-го года меня вызывают к окошечку, через окошечко, там привязанный на ниточке карандаш: «Распишись». Я читаю: «Постановление особого совещания от мая 42-го года: студенту, студенту такому-то за антисоветскую агитацию по статье 58-10, пять лет ИТЛ». Пять лет. Какое счастье! Не 10, а 5 лет.

Потом была Новосибирская пересылка, несколько суток в пересыльной Новосибирской тюрьме. Потом - снова этап в Красноярск, потом несколько дней, что-то не меньше недели, работа на Красноярской пересылке на берегу Енисея. Мы там грузили баржи, загружали разное оборудование, шедшее в Норильск. И потом, наконец, уже нас сформировали. Была комиссия. Вот. Каждого, кого отправляли в Норильск, осматривал, правда, довольно поверхностно врач, вот, и если не было таких прямых причин забраковать для отправки на Крайний Север, то отправляли. Наконец сформировали этап, и нас погрузили в трюм парохода под названием «Иосиф Сталин». Мы ехали с комфортом в норильский, так сказать, в норильский лагерь, не на какой-то барже, вот, а на пароходе «Иосиф Сталин», в трюме. Глубокий трюм с высокой такой лестницей деревянной. Вот там в этот трюм нас и сбросили с уголовниками, значит со всеми вперемежку. Ну что там в этом трюме творилось, что там только ни творилось, боже мой, вот. Сколько примерно/, неделю примерно плыли до Дудинки, потом, наконец, из этого трюма на свет божий нас вытащили, выпустили. Вылезли мы и оказались на берегу Енисея в Дудинке. Это был август-месяц.

Должен сказать, что первые годы в Норильске были для меня очень тяжёлые. Во-первых, потому что я, ну истощённый 13-месячным пребыванием в тюрьме, где нас держали на четырёхсотке хлеба и на баланде два раза в сутки, я был крайне истощён, и вот истощённым таким мальчиком оказался за полярным кругом с его суровым климатом. А когда нас привезли в августе, там ещё хорошее время стояло, особенно, ещё терпимо было в сентябре в начале, а

потом уже после середины сентября начались холода, снег с дождём, пурги, а мы все были одеты в какое-то рваньё «33-го срока», как говорили среди заключённых, то есть какой-то завязанный бушлат с дырявыми там, ватой, наполовину использованный для добывания огня, в рваных так называемых бурках, тоже ватных из ватных одеял с/, значит, на подошвах ЧТЗ на куске этой резины тракторной. Вот тогда, значит, мы в каких условиях оказались. С кайлом и ломом дробить надо было скалу. Конечно, силёнок-то, силёнки быстро исчезли, и уже выполнять норму, чтобы получать, скажем, 600 граммов хлеба в сутки не хватало сил. И становилось всё хуже и хуже, и там-то, значит, и холод и голод и окончательно, так сказать, вот это всё приводило к тому, что многие просто гибли. Окончательно теряли силы, оказывались на койке в медсанчасти, а потом уходили из жизни, потому что и лечить-то там не лечили, как следует по-настоящему, вот. Ну, я как-то вот благодаря добрым людям, уцелел во всём этом. Вытащили меня из этих общих работ, где я, конечно, погиб бы. И опять-таки учитывая мою все-таки грамотюшку, всё таки студент первого курса, да, вот меня устроили там отмечать, отмечать табельщиком на той же стройке, где вот я и котлованы долбил. Это была стройка, так называемого оксиликвитного завода, то есть завода, который должен был производить взрывчатку местного производства. «Оксиликвит» - это жидкий кислород, если перевести с латинского. Вот этим жидким кислородом насыщали там органический поглотитель, получали взрывчатку, которую использовали на рудниках Норильска для добычи руды взамен тротила, который был крайне необходим в снарядах на фронтах войны. Завод этот был крайне необходим для фронта, для победы, вот, и мы усиленно строили. Вот я начал с того, что, значит, там табельщиком, - всё-таки я оказался, во-первых, в тепле и, во-вторых, я не с ломом, вот, не с кайлом в руках, а с карандашиком. А потом обнаружилось всё-таки, что я ещё могу быть более полезным, где-то там и меня перевели в лабораторию, которая к этому времени уже действовала при заводе.

Вместо пяти лет я в Норильске пробыл 19, но первые 4 года за колючей проволокой, а потом меня освободили.

До последнего времени, буквально до последнего - вот сегодня, 23 марта, меня освободили, а ещё 22-го марта, я не был уверен, что завтра меня освободят. А когда только уже пришли и сказали: «Щеглов! Освобождение».

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Костянов (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2012